

УСЕНКО О.Г.

Тверской государственный университет

О СУЩНОСТИ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ РАМКАХ УШКУЙНИЧЕСТВА

В понимании того, что такое ушкуйничество и каков период его существования, среди историков единства нет. С XIX в. ведёт начало традиция отождествлять ушкуйничество с “повольничеством” – походами жителей Новгородской республики, прежде всего молодёжи, за славой и богатством в чужие земли. Эти походы некоторыми авторами уподобляются набегам викингов. Соответственно с этим эпоха ушкуйников датируется концом XI – началом XV вв.¹

[с. 48]

В советской историографии возобладала тенденция рассматривать ушкуйничество как своеобразную форму новгородской колонизации или как средство борьбы с политическими и торговыми противниками республики, а его историю ограничивать XIV – началом XV вв., т. к. слово “ушкуй” впервые встречается в летописях под 1320 г., а термин “ушкуйники” – под 1360 г., причём в XV в. они выходят из употребления². Указывается, что ватаги ушкуйников набирались боярами, однако состав этих ватаг определяется по-разному: по мнению В. С. Румянцевой, они формировались “из лиц без определённых занятий”³, а по мнению В. Н. Бернадского – главным образом из “нормальных” горожан и земледельцев. При этом он зачисляет в историю ушкуйничества лишь те случаи, когда поход предпринимался “без слова новгородского”, т. е. без официального разрешения⁴.

Если принять во внимание, что термин “ушкуйники” возник и получил распространение за пределами Новгородской земли – в Северо-Восточной Руси⁵, то можно прийти к выводу: совсем не обязательно ограничивать эпоху ушкуйничества лишь временем бытования этого слова. Московские летописи нередко чередуют обозначения “ушкуйники” и “разбойники”, а иногда эти слова образуют одно – “ушкуйницы-разбойницы”⁶. Значит главное отличие ушкуйников – это грабительский характер их походов.

Однако посылка отрядов за данью и трофеями – давняя традиция Новгородской республики. Именно таким образом в XII–XV вв. она осуществляла властвование над своими колониями (Двинской землёй, Югрой, Печорой, Кольским берегом и др.)⁷. Кроме того, набеги с целью грабежа предпринимались во время войн с иноземными государствами и русскими соседями Великого Новгорода. Для жителей республики ведение войны подразумевало прежде всего нанесение материального ущерба неприятелю, чью землю стремились “взять на щит”. Ради этого войско нередко пускалось “в разгон” – разделялось на мелкие отряды, действующие на свой страх и риск. Если же враждующие стороны вступали в открытое сражение, то победа оказывалась у того, кто первым “досекался до товара” – захватывал обоз, где хранились продовольствие, оружие и трофей⁸.

Чтобы разобраться в том, чем же разбойники в узком смысле (ушкуйники) отличались от разбойников в широком смысле (новгородских ратников вообще), следует вспомнить структуру новгородского войска в XII–XV вв. Основу его составляло ополчение –

[с. 49]

“рубленая рать”; оно собиралось путём “разруба” воинской повинности среди простолюдинов – свободных горожан и сельчан. Другими составными частями вооружённых сил республики были дружины князя, бояр и наиболее богатых купцов, “владычный полк”, а также войско из “охочих людей” (“охотников”), т. е. добровольцев, ушедших на войну сверх “разруба”; последние, как правило, воевали в пехоте и передвигались на судах⁹.

Судя по всему, именно “охочими людьми” были летописные “молодцы новгородские” и “люди молодые”, которых историки отождествляют с ушкуйниками¹⁰. Обратим также внимание на то, что в середине XIV – начале XV вв. походы ушкуйников организовывались, как правило, боярами, причём подобные предприятия новгородские власти если не поощряли, то и не запрещали. Даже если “молодцы” выступали, “не послушав Новаграда”, санкции против них не применялись¹¹. Можно полагать, что сходное отношение к походам “солдат удачи” имело место и в более раннее время. В таком случае ватага ушкуйников – это официально сформированный отряд “охочих людей” во главе с представителями знати, который полностью автономен в своих действиях и передвигается на гребных судах; цель их походов – снискать славу и богатство за пределами Новгородской земли.

Начальный этап ушкуйничества можно датировать концом XI – началом XIV вв. В это время национальный состав ушкуйников был различен: наряду с русскими ватагами действовали союзные им финно-угорские (корела, весь, ижора) отряды, во главе которых, вероятно, стояли представители местной родоплеменной знати. Ушкуйничество пользовалось поддержкой новгородских властей, поскольку способствовало расширению подконтрольной им территории, а также повышало авторитет Великого Новгорода.

Русские ватаги отправлялись на северо-восток и выполняли колонизаторскую функцию. В конце XI в. боярин Гюрята (Юрий) Рогович впервые послал “молодцев новгородских” на Югру (Северное Предуралье и Зауралье) для сбора пушной дани. Для его потомков походы за югорскими мехами стали главным источником богатства и могущества. С конца XIII в. возвышается род Мишиничей, и для них объектом грабительских набегов стали земли в бассейне Северной Двины¹². Что касается финно-угорских ушкуйников, то их набеги были направлены против Швеции и покорных ей племён. В 1178 г. они совершили поход на запад, в Финляндию, против еми; был захвачен в плен и умерщвлён шведский

[с. 50]

епископ Рудольф. В 1187 г. кореляне в союзе с новгородцами опустошили шведские земли близ озера Мелар и сожгли г. Сигтуну (стоял на месте современного Стокгольма)¹³. Финно-угорское ушкуйничество объективно помогало Новгороду сохранить контроль за торговыми путями, проходившими по Карельскому перешейку и Неве.

Период с 1320 по 1409 гг. стал новым этапом в истории ушкуйничества. Во-первых, исчезают упоминания о ватагах из числа нерусского населения (хотя это не значит, что финно-угорские “охотники” не могли быть ушкуйниками). Во-вторых, ушкуйничество стало прежде всего средством снятия социального напряжения в новгородском обществе, поскольку беднякам предоставлялся шанс быстро поправить свои дела, а богатым – заработать авторитет в народе¹⁴. В-третьих, походы совершаются не только на запад и северо-восток, но и на юго-восток – на Каму и Волгу вплоть до Астрахани.

В юго-восточном направлении с 1360 по 1409 гг. были предприняты 9 походов. Но поскольку они хорошо изучены¹⁵, разумней уделить внимание другим.

Судя по летописям, на запад было совершено три похода. В 1320 г. некие Игнат Малыгин и Лука со своими отрядами предприняли набег “на мурманы” (Норвегию, которая в 1319–1363 гг. находилась в личной унии со Швецией). Предприятие было, видимо, не очень успешным – “немцы” разбили ушкуи И. Малыгина¹⁶. В 1338 г. после шведского набега на Обонежье и Ладугу “ходили молодцы новгородские с воеводами и воевали выборгскую и шведскую корелу, и много опустошили земель их, и посевы пожгли, и скот посекали, и возвратились все

здоровы с полоном”¹⁷. Ещё одно выступление ушкуйников против шведов имело место в 1377 г.: “Ходили из Новгорода люди молодые к Новому городку на Овле на реке, к немецкому, и стояли под городом много дней, и посад весь взяли, и волость всю потравили, и полона много привели в Новгород, а сами пришли все здоровы в Новгород с воеводою Иваном Фёдоровичем, Василием Борисовичем, Максимом Онаньичем”¹⁸.

На северо-восток ушкуйники совершили тоже три похода. Под 1340 г. летопись упоминает, что новгородские “молодцы” сожгли Устюжну (на р. Мологе), но не смогли уйти с пленниками и “товаром”; потеряв же трофеи, отправились за добычей в Белозерскую волость¹⁹. В 1342 г. боярин Лука Варфоломеевич с отрядом

[с. 51]

“холопов-збоев”, не получив разрешения властей и церковного благословения, отправился на Северную Двину и “взял всю землю Заволочскую по Двине все погосты на щит”, но в конце концов погиб²⁰. В 1364 г. аналогичный поход в Югорскую землю совершили ушкуйники во главе с Александром Авакумовичем и Степаном Ляпой²¹.

Началом XV в. можно было бы и завершить историю ушкуйничества если бы не одно обстоятельство: на походы ушкуйников очень похожи действия некоторых формирований во время русско-шведских войн XVI–XVII вв.

Так, в 1555 г. новгородский наместник получил царскую грамоту с повелением отомстить шведам за то, что они разоряли “корельские и ореховские волости”. Иван Грозный приказывал сформировать и послать в Выборгский уезд войско из новгородских “детей боярских”, “земцев” и пострадавших от шведов жителей приграничья, чтобы “им над немцы учинити по тому ж, как они над нашими людьми чинили, а за грабежи бы свои взяли гораздо вдвое и втрое...”²²

Фактически воспроизводили набеги ушкуйников и походы карельских партизан в 1581–1583 и 1589–1593 гг. Небольшие отряды крестьян базировались на российской территории, откуда периодически совершали вылазки на земли под властью шведов. Главной целью этих вылазок был грабёж “немцев” и “изменников”, опустошение вражеских владений. Аналогичным образом действовали партизаны Корельского уезда в конце 1610 – начале 1611 гг., а также карелы, жившие на р. Кеми. Последние весной 1611 г. в ответ на появление вражеского десанта разграбили шведские владения в Эстерботнии. Летом 1614 г. ещё один партизанский отряд из жителей Северной Карелии прошёлся огнём и мечом по приграничным шведским землям – на этот раз пострадала Улеаборгская губерния²³.

Таким образом, в середине XVI – начале XVII вв. произошло возрождение ушкуйничества, причём с повторением черт, характерных для первого этапа его существования. Мы снова видим праведный разбой во время войны, интернациональный состав ушкуйников и сочувственное отношение к ним государства.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод: ушкуйничество конца XI – начала XV вв. – это новгородский вариант архаической традиции, возникшей в условиях “военной демократии”, это механизм снятия социального напряжения и

[с. 52]

способ жизнеобеспечения, присущий патриархальному обществу, для которого любая война – норма и даже доблесть. Ушкуйничество последующего времени – это пережиток указанной традиции, которая получает право продлить своё существование лишь в чрезвычайных для Российского государства обстоятельствах – в условиях длительных и масштабных войн со Швецией. Но сам факт жизнестойкости ушкуйничества показывает, что его отмирание было обусловлено не столько внутренними, сколько внешними для новгородского общества

факторами – падением республики, процессами централизации, перестройкой российских вооружённых сил, а также эволюцией военного искусства.

¹ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1864. Кн. 2. С. 97; Костомаров Н. И. Русская республика. М.; Смоленск, 1994. С. 334; Богословский М. М. Земское самоуправление на русском севере. М., 1909. Т. 1. С. 2; Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в XI–XIV вв. М., 1978. С. 110.

² Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 38. (Словом “ушкуй”, от которого родилось название “ушкуйники”, обозначалось гребное судно, пригодное для плавания по большим рекам и морским проливам. Предположительно ушкуй вмещал 20–30 чел. Внешний облик и устройство его остаются тайной. По всей видимости, ушкуи были легче и меньше насадов, поэтому их можно было перевозить из одной реки в другую, а значит использовать для совершения дальних походов. И хотя Новгородская первая летопись термина “ушкуй” не знает, можно полагать, что суда этого типа имели распространение главным образом в Северной Руси).

³ Историческая энциклопедия. М., 1973. Т. 14. Стб. 923.

⁴ Бернадский В. Н. Указ. соч. С. 39, 47.

⁵ Там же. С. 37: “Термин “ушкуйники” на страницах летописей встречается весьма редко. Его не знает вовсе Новгородская первая летопись. Он не встречается и в псковских летописях. Поэтому имеются все основания полагать, что этот термин не новгородского происхождения. Больше того, он, вероятно, не приобрёл в Новгороде широкого распространения. Чаще всего он встречается в летописях московского и ростовского происхождения... Проник он и в Новгородскую четвёртую летопись”.

⁶ Там же. С. 39.

⁷ Похлёбкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М., 1992. Вып. 1. С. 77–78.

⁸ Никитский А. И. Военный быт в Великом Новгороде XI–XV стол. // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 20, 29.

[с. 53]

⁹ Там же. С. 17; Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 312–313.

¹⁰ См.: Никитский А. И. Указ. соч. С. 17; Бернадский В. Н. Указ. соч. С. 39–40.

¹¹ См.: Бернадский В. Н. Указ. соч. С. 39–48.

¹² Там же. С. 15, 17.

¹³ Линевский А., Машезерский В., Пегов В. Хрестоматия по истории Карелии с древнейших времён до конца XVII века. Петрозаводск, 1939. С. 59; Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 19, 21.

¹⁴ Бернадский В. Н. Указ. соч. С. 48.

¹⁵ Там же. С. 39–45.

¹⁶ Новгородская четвёртая летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1848. Т. 4. С. 258.

¹⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 348.

¹⁸ Там же. С. 374.

¹⁹ Там же. С. 351.

²⁰ Там же. С. 355–356.

²¹ Бернадский В. Н. Указ. соч. С. 29–30, 39.

²² Линевский А., Машезерский В., Пегов В. Указ. соч. С. 116.

²³ Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. С. 36–38, 98, 103.

[с. 54]
